

Чэнь Циньцин: «...»

Чэнь Циньцин молча взглянул на Чжэн Шоуюаня, не сказав ни слова и не объяснив ничего отцу и матери Чэнь.

Именно из-за того, что он не дал им конкретного объяснения, отец и мать Чэнь вынуждены были сами придумать разумную причину, почему Чжэн Шоуюань называет их мамой и папой.

Через некоторое время отец Чэнь всё же нарушил эту странную неловкость.

Чтобы убедиться, что это не просто случайная оговорка Чжэн Шоуюаня, он спросил:

— Как ты нас назвал?

Чжэн Шоуюань, глядя на отца и мать Чэнь, снова произнёс:

— Папа, мама.

Очевидно, это не было ошибкой из-за торопливости.

Отец и мать Чэнь снова замолчали.

В следующий момент отец Чэнь хлопнул себя по бедру:

— Хорошо, отныне ты и Циньцин — оба мои сыновья.

Мать Чэнь взглянула на мужа и кивнула Чжэн Шоуюаню, признав его своим сыном.

Услышав слова отца Чэнь и увидев кивок матери, Чжэн Шоуюань не проявил явной радости, но в его глазах мелькнул быстрый проблеск света.

Он подумал, что отец и мать Чэнь приняли его как партнёра Чэнь Циньцина.

Но на самом деле это было не так...

Отец и мать Чэнь просто решили, что этот дух, давно умерший, слишком долго не чувствовал родительской любви, поэтому и стал называть их мамой и папой.

В конце концов, учитывая его нынешние отношения с Чэнь Циньцином, они, вероятно, уже стали близкими друзьями.

И для этого духа, не имеющего родителей, было вполне разумно считать родителей своего друга своими собственными, разделяя с ними эту роль.

Что касается них самих, то внезапное появление духа-сына не было чем-то неприемлемым, главное, чтобы он был хорошим ребёнком.

Таким образом, хотя отец и мать Чэнь в плане обращения достигли согласия с Чжэн Шоуюанем, их мысли шли в совершенно разных направлениях.

Чэнь Циньцин, конечно, знал об этом, но не стал ничего исправлять...

Такое недоразумение было прекрасным, обе стороны были довольны, и его родители не испугались, просто решив, что у них появился ещё один сын-дух.

Церемония признания завершилась благополучно.

Когда Чжэн Шоуюань вернулся с Чэнь Циньцином в комнату, он снова уткнулся в его шею, и это действие придало их отношениям оттенок интимности.

Чэнь Циньцин оттолкнул его голову, но в следующий момент Чжэн Шоуюань прижал его к кровати...

Тело Чэнь Циньцина погрузилось в мягкие простыни, а чёрная аура Чжэн Шоуюаня окутала их обоих, то приближаясь, то отдаляясь, словно испытывая Чэнь Циньцина, желая продвинуться дальше, полностью окружив их этой тьмой.

Чэнь Циньцин, глядя на Чжэн Шоуюаня, который сверху смотрел на него с горящими глазами, прекрасно понимал, что тот задумал.

Чэнь Циньцин:

— Отойди.

Выражение лица Чжэн Шоуюаня не изменилось, но чёрная аура вокруг него внезапно застыла.

Казалось, он был глубоко расстроен отказом Чэнь Циньцина.

Чэнь Циньцин спокойно произнёс:

— Ты думаешь, что, сделав то же самое, что и вчера, получишь те же привилегии? Не слишком ли ты многого хочешь?

Чжэн Шоуюань промолчал, но его аура стала слабее.

Чэнь Циньцин, глядя на него, добавил:

— Кроме того, я просто позволил тебе появиться. Ты сам добавил себе роли. Ты думаешь, я забыл?

Чжэн Шоуюань: «...»

Чёрная аура вокруг него снова заколебалась, словно он не понимал, почему называть родителей мамой и папой — это ошибка.

Разве его родители не были его родителями?

Значит, он ошибся? Нет.

Поэтому он решил протестовать!

Чэнь Циньцин только сказал:

— Протест отклонён.

Аура Чжэн Шоуюаня снова замерла, а затем опустилась, расстелившись по кровати. Очевидно, его настроение было подавленным.

Чэнь Циньцин:

— И ещё, ты можешь перестать думать только о привилегиях?

Привилегии не должны быть руководством к действию, а Чжэн Шоуюань явно сбился с пути.

Услышав слова Чэнь Циньцина, Чжэн Шоуюань всем телом прижался к нему, уткнувшись лицом в его плечо.

Словно он капризничал, не желая слушать Чэнь Циньцина, а только выпрашивая привилегии.

На самом деле, учитывая разницу в силе между Чжэн Шоуюанем и Чэнь Циньцином, он мог бы применить силу, но он этого не делал...

Самое худшее, что он сделал с Чэнь Циньцином, — это «придавил» его как дух.

Главное, что такая мысль, как применение силы, никогда не приходила в его прямолинейный ум.

Поэтому теперь, желая получить привилегии, но не получая их от Чэнь Циньцина, Чжэн Шоуюань мог только капризничать перед ним, надеясь вызвать его жалость.

Но разве Чэнь Циньцин был человеком, которого легко сломить?

Очевидно, нет...

Поэтому он не уступил.

Чэнь Циньцин:

— Если ты не встанешь, то сегодня ночью ты не ляжешь спать на кровать. Я думаю, угол подойдёт. Как ты считаешь?

Чжэн Шоуюань, казалось, не слышал слов Чэнь Циньцина, продолжая прижиматься к нему, словно таким образом мог обмениваться с ним теплом.

Но, будучи духом, разве мог он иметь тепло?

Только когда раздался стук в дверь, Чжэн Шоуюань исчез с Чэнь Циньцина.

Чэнь Циньцин сел, оглядев комнату. Даже с его Глазами Инь-Ян он больше не видел Чжэн Шоуюаня в комнате.

Очевидно, тот затаил на него обиду.

Чэнь Циньцин поправил одежду, подошёл и открыл дверь. Это была мать Чэнь.

Мать Чэнь:

— Я пришла спросить, не нужно ли Сяо Чжэну чего-то особенного, чтобы мы могли подготовить.

Чэнь Циньцин покачал головой:

— Не нужно.

Мать Чэнь:

— Не нужно?

Сказав это, она заглянула в комнату Чэнь Циньцина, словно хотела увидеть Чжэн Шоуюаня и спросить его, но, не увидев его, слегка удивилась:

— Его нет в комнате?

Чэнь Циньцин кивнул:

— Да.

Мать Чэнь:

— Куда он пошёл?

Чэнь Циньцин покачал головой:

— Не знаю.

Мать Чэнь:

— Ну ладно, я пойду спать, ты тоже постарайся пораньше лечь, завтра рано вставать.

Чэнь Циньцин кивнул:

— Да, я знаю.

После этого мать Чэнь ушла от двери его комнаты и вернулась в свою спальню.

Чэнь Циньцин наконец смог лечь спать.

Прошло неизвестно сколько времени, и Чэнь Циньцин, чей сон был очень чутким, почувствовал, что кто-то обнимает его. Он открыл глаза, слегка повернул голову и увидел Чжэн Шоуюаня, этого духа, который, как живой человек, обнимал его, словно крепко спал.

Чэнь Циньцин: «...»

Этот навык притворяться спящим был просто неподражаем.

Чэнь Циньцин взглянул на Чжэн Шоуюаня, затем снова закрыл глаза и погрузился в сон, на этот раз более глубокий.

Когда Чэнь Циньцин заснул, Чжэн Шоуюань открыл глаза, уставившись на его профиль, не моргая. Через мгновение он внезапно наклонился и поцеловал его в щёку, затем быстро вернулся на своё место.

Через некоторое время, убедившись, что Чэнь Циньцин не шевелится, он снова наклонился и поцеловал его в щёку, не задерживаясь надолго, но и не отдаляясь слишком далеко, лишь оторвав губы от его кожи.

Затем Чжэн Шоуюань уже не мог остановиться, оставляя следы на теле Чэнь Циньцина...

Чэнь Циньцин, проснувшийся ото сна: «...»

Чэнь Циньцин снова открыл глаза, с лёгкой досадой глядя на неуёмного Чжэн Шоуюаня, снова

размышляя о том, что он, похоже, слишком доверял ему. Это был настоящий волк, лишь притворявшийся послушным ягнёнком, а он, Чэнь Циньцин, был тем самым ягнёнком.

Впервые оказавшись в роли ягнёнка, Чэнь Циньцин понял, что ему нужно пересмотреть степень опасности Чжэн Шоуюаня.

Чэнь Циньцин поднял руку и положил её на плечо Чжэн Шоуюаня. Тот мгновенно замер.

С точки зрения Чэнь Циньцина, он видел только чёрную макушку.

Через некоторое время Чжэн Шоуюань внезапно перевернулся, откатившись от Чэнь Циньцина, и повернулся к нему спиной, не глядя на него, словно таким образом мог сделать вид, что ничего не произошло.

Чэнь Циньцин сел и сказал:

— Иди сюда.

Чжэн Шоуюань не двигался, продолжая притворяться спящим.

Чэнь Циньцин:

— Мне нужно повторить?

<http://bllate.org/book/16138/1446012>